

Хронополитика: концептуальные основания и социальная практика

Владимир НОВИКОВ,
кандидат философских
наук, доцент

Ольга НОВИКОВА,
кандидат философских
наук, доцент

Социально-историческое время является необходимым свойством общественного развития, изучение которого составляет предмет хронополитики как системы знания и как доктрины, предполагающих осуществление социальных действий – экономических, политических, культурных, исходя из гармонизации скорости, ритма и темпов их осуществления. Наиболее быстрые изменения в данной триаде происходят в сфере политической жизни и государственного устройства, заметно медленнее осуществляется реформирование и модернизация хозяйственного механизма, и существенно отстают от них преобразования в сфере духовной культуры.

Немецкий социолог и философ XX века Э. Фромм, говоря о причинах крушения различных типов общества, в том числе о неудачах его радикальных преобразований, объяснял такую ситуацию конфликтом между социальной структурой общества и его социальным характером, проявляющимся в поведении масс. При этом социальный характер немецкий мыслитель трактовал как «то общее для

большинства представителей одной и той же культуры, что образует относительно стабильную систему не инстинктивных стремлений, ориентаций, установок, которая функционирует так, как того требуют общественные структуры в данный исторический момент» [1, с. 338].

Темпы изменений социальной структуры и социального характера различны, поэтому в случае резких перемен в

ОБ АВТОРАХ

НОВИКОВ Владимир Тимофеевич.

Родился в 1949 году в г. Старые Дороги Минской области. Окончил философское отделение Белорусского государственного университета (1971), аспирантуру (1975). В 1976–1985 годах работал на различных должностях в Минском медицинском институте. С 1985 по 1991 год – в Минской высшей партийной школе и Институте политологии и социального управления. С 1992 года – доцент кафедры философии и методологии науки БГУ.

Кандидат философских наук (1978), доцент (1984).

Автор и соавтор более 200 научных работ, в том числе монографий, статей, учебных и учебно-методических пособий.

Сфера научных интересов: философия истории, философия власти, философия цивилизаций, философия и методология социально-гуманитарного познания.

НОВИКОВА Ольга Владимировна.

Родилась в г. Минске. Окончила Белорусский государственный университет (2002). С 2005 по 2007 год работала преподавателем кафедры философии и методологии науки БГУ. В 2007–2008 годах – сотрудник Центра политического консультирования «Никола М» (г. Москва). С 2009 по 2011 год – сотрудник Информационно-аналитической службы Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации. С 2013 года – доцент кафедры философии и методологии науки БГУ.

Кандидат философских наук (2006), доцент (2016).

Автор свыше 80 научных работ, в том числе трех учебных пособий (два – в соавторстве).

Сфера научных интересов: философия истории, философская антропология, социальная философия.

политико-государственном устройстве существует опасность дисбаланса в отношениях между ними и, как следствие, дестабилизации социума. Поскольку люди всегда стремятся к лучшей жизни, тенденцией динамики социальной структуры является модернизация, и если это стремление не находит поддержки у государства, она проявляется в быстрых и радикальных мерах. В то же время в природе социального характера заложена склонность к следованию традиции, способствующая социальной инерции. Концептуальную фундированность хронополитике придают философские основания, которые были заложены еще в религиозно-мифологическом древнем мире, в котором понятие времени рассматривалось неоднозначно. В частности, известный российский философ П. Гайденко обращает внимание на то, что первоначальное значение древнееврейского слова «олам» из Ветхого Завета – «век» – не соответствует календарному летоисчислению древних греков, которые развитие общества воспринимали подобно развитию природного космоса со свойственным ему круговоротом веществ. Наоборот, развитие общества характеризуется переживанием времени, связанным с совершением событий, с историей [2, с. 55]. Не случайно и то, что древние греки в итоге также стали различать Хронос как космическое время и Кайрос как время, наполненное историческими содержанием, событиями [3, с. 217].

Философские основания хронополитики присутствуют также в творчестве Аристотеля, Августина Аврелия, Иоахима Флорского. В конце XIX – начале XX века знаковым стало введение понятий «дление» французским философом А. Бергсоном, «переживаемая историчность» и «растянутость истории» – его немецкими коллегами В. Дильтеем и О. Шпенглером. Зависимость течения времени от имеющих эпохальный характер событий стала предметом специального рассмотрения также в концепциях «долгого XVI века» американского философа И. Валлерстайна, «долгого XX века» итальянского социолога Дж. Арриги, «короткого XX века»

британского историка Э. Хобсбаума. Эти исследователи акцентировали внимание на социальной деятельности как факторе, определяющем не хронологические, а социально-исторические границы исторических эпох. А французский философ Ж.-П. Сартр отмечал: «Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся во времени: время, как конкретное свойство истории, создается людьми на основе их изначального времяполагания» [4, с. 113].

Таким образом, философское понимание социального времени заключается в том, что в отличие от астрономического времени оно является временем бытия людей и его течение определяется их потребностями, интересами и целями.

Особое значение для выявления концептуальных оснований хронополитики имеет философско-историческая концепция французского историка Ф. Броделя, в которой «время большой длительности» рассматривается в качестве связывающего звена прошлого, настоящего и будущего общества [5]. Автор это время характеризует наличием структуры и конъюнктуры, синтез которых определяет линейно-волновую конфигурацию социодинамики, или, по словам П. Рикёра, «сопрягая разнородные временности, противоречивые хронологии, учит нас объединять структуры, циклы и события» [6, с. 249].

Рассмотрение событий общественной жизни спозиций методологии конъюнктуры в хронополитике позволили Ф. Броделю выделить в истории Западной Европы, начиная с XIII века, четыре «вековых тренда», характеризующих периоды подъемов и спадов хозяйственно-экономического развития, а известному русскому экономисту Н. Кондратьеву охарактеризовать систему «экономических циклов» капиталистической активности.

Политике использование этой методологии дало возможность отследить циклы смены элит и динамику форм правления. В частности, согласно американскому историку А. Шлезингеру, в истории политической жизни США обнаруживается закономерность циклического развития, причем, по его расчетам время цикла со-

ставляет порядка тридцати лет – времени активной политической жизни одного поколения, что, впрочем, не означает невозможность существования, подобно матрешке, внутри этого цикла иных циклических конструкций. Так в течение этого периода на смену фазе реформирования политической системы приходит фаза ее консервации, но в целом происходящие в них политические процессы осуществляются в соответствии с фундаментальными положениями конституции США. Причем интересна еще одна закономерность, касающаяся сроков нахождения у власти политической элиты: треть времени приходится на реформаторов, две трети – на консерваторов. Эта ситуация определяется тем обстоятельством, что управленческому аппарату и гражданскому обществу каждого штата и округа необходима адаптация к нововведениям и соответствующая коррекция поведения [7, с. 42].

Взгляд на развитие общества на основе использования методологии хронополитики позволяет установить важную закономерность в истории средневекового общества. В частности, как отмечает один из основоположников исторической школы «Анналов» М. Блок, если людям Средневековья было свойственно безразличное отношение ко времени и они часто не знали точно даже своего возраста, то на рубеже XIII и XIV веков ситуация радикально меняется [8, с. 129]. Именно тогда на башнях соборов и городских ратуш в западноевропейских городах появляются механические часы. По мнению Ж. Ле Гоффа, это символизировало начало новой исторической эпохи, в которой на смену «времени церкви» приходит «время купца» [9, с. 171–172]. Суть данной метаморфозы в том, что если ранее порядок, образ и темпы жизни населения определялись церковью посредством регламента церковного календаря и колокольного звона как символа ее властных функций, то теперь ритм жизни задавался обыденным потребностями и мирскими заботами средневекового города.

Используя категориальный аппарат методологии Ф. Броделя, можно сказать,

что хронополитика предстает как связь структуры и конъюнктуры, и это позволяет характеризовать социальную динамику общества как волновой процесс, имеющий спиралеобразную форму развития в соответствии с теорией диалектики. Однако важным для нас является не только знание теоретических аспектов, но и анализ практических приложений хронополитики, проявляющихся в социальной деятельности человека.

Первое из практических проявлений заключается в следующем. Эвристичным для выявления возможностей хронополитики как основы социальной является анализ предложенной российским философом А. Панариным типологии акторов – в зависимости от характера их социальных притязаний – субъектов «эсхатологического», «срединного» и «ускоренного» времени [10, с. 85–87]. Так, люди «срединного времени» обладают высоким социальным статусом, хорошим уровнем профессиональной квалификации, престижной профессией и высоким доходом, и, задавая жизненные стандарты, определяют характер и темпы социодинамики. Они ориентированы на стабилизацию общественной жизни и ее обновление сугубо эволюционным путем.

Иные установки характерны для представителей «эсхатологического времени». Это люди с низким социальным статусом, которые лишены возможности эволюционным путем достичь статуса человека «срединного времени», а потому настаивают на необходимости глубоких изменений существующего порядка путем насильственных действий. В результате подобного «большого скачка» данная социальная группа рассчитывает изменить не только свой статус, но и осуществить радикальную реконструкцию структуры общества в целом.

Что же касается «ускоренного времени», то его представители по социальному положению хотя и уступают являющимся для них примером субъектам «срединного времени», но настроены на достижение их уровня за счет собственных усилий или изменения статуса социальной группы, к которой они намерены примкнуть.

Несомненное практическое значение имеет решение вопроса о том, как использовать очевидный потенциал группы населения «ускоренного времени», которая отличается нацеленностью на успех в учебе, научной и практической деятельности. Мер материального и морального поощрения таких людей у общества достаточно, но при этом существуют две опасности.

Во-первых, для государства и обществу важно не утратить контроль над активностью людей данной группы, поскольку подобная активность может мотивироваться эгоистическими амбициями и, следовательно, порождать конфликты – как среди членов этой группы, так и в отношениях с людьми «срединного времени».

Во-вторых, существует опасность реализации следующего сценария: когда индивид достиг жизненного успеха и, казалось бы, стал носителем «срединного времени», он может прекратить свойственную людям этой группы созидательную деятельность, предполагающую постоянную разработку инноваций, и превратить свою работу в синекуру. При этом, стремясь сохранить свой статус, индивид начинает противостоять новому поколению людей «ускоренного времени», чувствуя в них угрозу своему положению в обществе. Анализ данной проблемы дает возможность лучше понять сущность таких явлений, как политический экстремизм, социальная инерция, маргинальность, геронтократия.

Смысл второй практической проекции хронополитики состоит в том, что в современном мире в условиях ускорения социальных изменений люди утрачивают возможность, а затем и потребность рефлексии, осмысления важных мировоззренческих проблем. В итоге возникает эффект «черной дыры», выражающийся в существовании человека в «вечно настоящем», в котором он полностью поглощен решением будничных вопросов. А поскольку повседневная, быстро текущая калейдоскопичная жизнь постоянно выдвигает все новые и новые вопросы, которые надо решать «здесь и сейчас»,

лежащие в их основе глубинные проблемы не осмысливаются.

Данная ситуация нередко характерна не только для современного индивида-прагматика, но и для социальных институтов, деятельность которых в таком случае с полным основанием может называться функционированием.

Если же мы говорим об утрате исторической памяти, то нужно понимать, что здесь существуют две опасности: манкуртизм, проистекающий из беспечности по отношению к прошлому, и экспроприация этой памяти господствующей властью, которая получает право производить исторические симулякры.

В этой связи рассмотрим третью практическую реализацию положений хронополитики, которая оказывается сопряженной с еще одной серьезной проблемой – проблемой забвения как политической установкой государства. Французский мыслитель, один из наиболее известных представителей философской герменевтики П. Рикёр называет ее «управляемой амнезией» и видит ее назначение в преодолении кризиса идентичности сообщества.

Философ обращается к двум историческим фактам. В первом случае, ссылаясь на аристотелевский анализ «Афинской конституции», П. Рикёр рассматривает содержание указа, изданного в 403 году до н.э. в Афинах после победы демократии над олигархией «Тридцати тиранов». Он отмечает его двоякий характер: это одновременно и документ, и обязательно произносимая каждым гражданином полиса клятва. По словам П. Рикёра, в ней «торжественно провозглашается, что война закончена: сражения, о которых говорит трагедия, становятся прошлым, и о нем не следует вспоминать» [11, с. 627]. И в заключение анализа этого исторического факта лапидарно и на первый взгляд парадоксально, но по сути верно формулируется инструментальное назначение данной клятвы для каждого отдельного человека и полиса в целом – «не забыть о необходимости забыть».

Второй исторический факт, свидетельствующий об актуальности обращения к процедуре амнистии – как к средству, по-

зволюющему, с одной стороны, сплотить людей в формирующуюся нацию на основе политики толерантности, с другой – осуществить процедуру «управляемой амнезии» в отношении исторической памяти, относится к истории Франции эпохи Нового времени. Амнистия была призвана сохранить преемственность культурного развития социума, утвердить его верность традиции и в то же время разрешить предельно острую проблему достижения взаимопонимания и терпимости между католиками и протестантами. Речь идет о знаменитом Нантском эдикте, провозглашенном королем Генрихом IV в 1598 году, и содержащем особую модель амнистии участникам религиозных войн.

В эдикте, в частности, говорится: «Мы запрещаем всем нашим подданным, независимо от их происхождения и положения в обществе, вспоминать об этом, нападать друг на друга, проявлять злопамятство, оскорблять друг друга, попрекая тем, что произошло, каковы бы ни были причина и предлог для этого, ссориться, спорить, браниться, обижать друг друга словом или действием; они должны обуздывать себя и жить совместно в мире, как братья, друзья и сограждане, а нарушители сего будут наказаны как нарушители мира и возмутители общественно-спокойствия» [11, с. 627–628]. Здесь очевиден жесткий императивный стиль, характерный для государственного документа, не имеющий скрытого сакрального смысла, а потому не допускающий никаких интерпретаций и требующий безусловного следования сформулированному нормативному акту, имеющему силу юридического закона.

Содержащаяся в Нантском эдикте модель амнистии участникам противостояния предусматривала достижение нескольких целей – преодоление последствий межконфессионального конфликта, укрепление толерантности, религиозной терпимости и разрешение кризиса идентичности формирующегося французского общества. Показательно, что политика Генриха IV, результатом которой был Нантский эдикт, способствовала закладке фундамента абсолютизма монархическо-

го государства, образцом которого спустя столетие станет Франция.

Четвертое практическое воплощение хронополитики предполагает формирование у политика умения сопоставлять, оценивать и (с учетом социально конъюнктуры и соблюдения государственных интересов, которые всегда связаны с сохранением стабильности общества) дифференцировать понятия истины и пользы в освещении исторических событий. Дело в том, что политика «управляемой амнезии» наряду с отмеченными достоинствами характеризуется высокой степенью социального риска. Ведь если бы она «могла привести – а этому, к сожалению, ничто не препятствует – к упразднению тонкой линии демаркации между амнистией и амнезией, – пишет П. Рикёр, – то индивидуальная и коллективная память лишились бы шанса на спасительный кризис идентичности, делающий возможным новое трезвое присвоение прошлого с грузом его травмирующего опыта. Не способствуя такому присвоению, институт амнистии может отвечать только замыслу насущной социальной терапии, пребывая под знаком пользы, а не истины» [11, с. 629–630].

Раскол российского общества после Октябрьской революции 1917 года радикально повлиял на историческую память народа, поскольку история возникает как нарратив, как повествование о том, что было, при этом предполагая авторские интерпретации событий их участниками и потомками. Следовательно, в самом рассказе о событиях заложена возможность их субъективной оценки. Применительно к исторической памяти это означает ее амбивалентный, внутренне противоречивый характер. И тут уже несоответствие исторического знания канонам научной рациональности – то есть истинности – выступает на первый план, и становится очевидным приоритет прагматических интересов, требующих идеологической (а значит, пропагандистской) обработки в пользу той версии изложения событий, которая способствует обеспечению единства общества и стабильности его динамики с точки зрения господствующей власти.

Поэтому данный аспект хронополитики, а главное, практическая деятельность государства по осуществлению политики амнистии (как это было в отношении участников событий в 1993 году в Москве, которые зачастую называют «расстрелом Белого дома»), является исключительно важной и требует взвешенных решений.

Пятое практическое проявление хронополитики характеризует еще один аспект, актуальный и для Беларуси, и для европейского мира, и для человечества в целом. Очевидно, что важнейшие условия обеспечения стабильности и преемственности общества – сохранение исторической памяти и поддержание культурных традиций – претерпевают определенные модификации в процессе глобализации. Свойственная ей экспансия массовой культуры вкупе с интенсификацией миграционных потоков и эскалацией социальной напряженности и межкультурных и межрасовых конфликтов дают основания для распространения алармистских лозунгов о дестабилизации и углублении кризиса духовной культуры – особенно культуры западного мира.

Впрочем, идея «заката Европы» отнюдь не нова. Еще в начале 1920-х годов Н. Бердяев писал: «В глубине человеческой культуры поднимаются какие-то внутренние стихии варварства, которые мешают дальнейшему творчеству классической культуры, классических форм искусства и науки, классической формы государства, классической формы нравов и быта... Наступают сумерки Европы... Мы вступаем в ночь нового средневековья. Предстоит новое смешение рас и культурных типов. Это и есть один из результатов познания философии истории, который мы должны усвоить для того, чтобы знать, какая судьба ожидает все народы Европы и Россию, и что означает этот конец гуманистической Европы, это вступление в ночную эпоху истории» [12, с. 138–139].

На столь мрачно окрашенный прогноз, часть аспектов которого сбылась по прошествии столетия, вдохновила русского философа социальная история и ситуация в сфере искусства начала XX века. Но так ли уж беспросветны перспективы

европейского общества и перспективы восточнославянской цивилизации? Алармизм естественным образом сопутствует переломному времени, особенно если предшествующая эпоха возлагала слишком много не оправдавшихся надежд на идеи прогрессизма. И если мы сейчас наблюдаем «новое смешение рас и культурных типов», то происходит оно не по принципу переплавки ряда культур или этносов в новое образование с утратой исторической памяти, традиций, культурного своеобразия. Напротив, это смешение реализуется по принципу культурной мозаики, в ходе чего складывается новый мир, основной задачей в котором становится развитие толерантности к Другому и поиск стратегий взаимодействия.

И, наконец, интересна еще одна проблема хронополитики – организация «времени труда» и «времени досуга», то есть соотношение времени занятости и свободного времени [10, с. 88–93]. А. Панарин обращал внимание на необходимость преодоления крайностей в отношении к ним и неправомерность абсолютизации роли одной из сторон жизнедеятельности человека. Нужен синтез характерных для них установок. Это способствовало бы преодолению болезни пуэрилизма – «игры в игру», ведущего, по заключению Й. Хейзинги, к регрессу духовной культуры [13, с. 219]. И пуэрилизм, трактуемый как преобладание в поведенческих практиках взрослого детских черт, и инфантилизм, и появление поколения тридцатилетних киддалтов (от kid – ребенок, adult – взрослый, англ.) с синдромом Питера Пэна ведет к формированию детоцентричной цивилизации, заинтересованной в установлении «вечного детства», с закономерным регрессом наследующего культу «вечной молодости».

С точки зрения хронополитики здесь интересен диалектический скачок от идеи перенасыщенного событиями времени к идее вечности. Американский социолог Н. Постман связывает инфантилизацию современного мира с политикой телевидения, которое нивелировало свойственное книгам различие в способах подачи информации для взрослых и детей и «сделало

развлечение естественным форматом для репрезентации любого опыта» [14, с. 42]. Избыток поставляемых массмедиа потоков информации довершил дело, поскольку эти потоки последовательно поглотили смысл, событие и саму реальность, а на место анализирующего субъекта заступил анонимный зритель, потребитель образов, участник реалити-шоу, желающий длить «время досуга» бесконечно.

Однако социально-историческое время – это не «время вообще», не поток чистой длительности, безразличный по отношению к тому, чем он наполнен, как считал И. Ньютон. Социально-историческое время – это время инновационной по своему характеру деятельности людей, которое определяется ее содержанием и качеством. Именно от их сознания, воли, осмысленных, а потому целенаправленных и ответственных действий зависят темпы и масштаб социальных преобразований, их координация в различных сферах жизни общества. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм // Психонализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М.: Юрист, 1995. – 623 с. – С. 273–596.
2. Гайденок, П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке / П.П. Гайденок. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 464 с.
3. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих. – М.: Юрист, 1995. – 479 с.
4. Сартр, Ж.-П. Проблемы метода / Ж.-П. Сартр. / Пер. с фр.; примеч. В.П. Гайдамаки. М.: Прогресс, 1994. – 240 с.
5. Бродель, Фернан. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры. – Ч. 1. Роль среды, 2002. – 496 с.
6. Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
7. Шлезингер, А. Циклы американской истории / А. Шлезингер. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 692 с.
8. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
9. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 376 с.
10. Ильин, В.В., Панарин, А.С. Философия политики / В.В. Ильин, А.С. Панарин. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 283 с.
11. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
12. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
13. Хейзинга, Й. Homo ludens / Человек играющий. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга – М.: Прогресс, 1992. – 264 с.
14. Postman, N. Amusing Ourselves to Death / N. Postman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quote.ucsd.edu/childhood/files/2013/05/postman-amusing.pdf>. – Дата доступа: 21.12.2017.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»:

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Рукопись предоставляется в двух экземплярах (не ксерокопированных), шрифт Times New Roman, 14-й, межстрочный интервал – 1,5, объем статьи – до 30 тыс. знаков (с пробелами).
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов);
 - название статьи на русском и английском языках;
 - резюме объемом 400–500 знаков на русском языке;
 - введение (с поставленными задачами);
 - основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
5. Биографические данные об авторе: год и место рождения, образование (вуз, специальность, год окончания), ученая степень и звание (год их присуждения или присвоения – в скобках), место (места) работы, должность, сфера научных интересов.
6. Наличие электронного варианта статьи.
7. Иллюстративный материал предоставляется отдельными графическими файлами.
8. Личные данные об авторе (указываются в конце рукописи): телефон, адрес электронной почты, паспортные данные.
9. Рецензия (внешняя или внутренняя).

Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.